

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Леа Стенберг
РЕННВИНД. ПОЦЕЛУЙ НОЧИ

Дизайн серии *Василия Половцева*
Иллюстрация на обложке *Дарьи Бобровой*

Стенберг, Леа.
С79 Реннвинд. Поцелуй ночи: [роман] / Леа Стенберг. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 384 с. — (Звезды молодежного фэнтези).

ISBN 978-5-17-147795-0

«ТЕБЯ УБЬЕТ ЛЮБОВЬ» — так было предсказано ей еще в детстве.

Нея никогда не знала своей матери. В восемнадцать лет она отправляется на ее родину, в туманный Реннвинд, город, куда жаждет попасть каждый, кому есть, что скрывать. Там она надеется найти ответы, но неожиданно становится хранительницей чужих и очень опасных тайн.

В элитной гимназии Хемлиг девушке предстоит разгадать тайну своего происхождения, найти виновника загадочных исчезновений учениц, обрести уникальный дар и встретить свою любовь, которая таит в себе смертельную опасность.

Нею влечет к ее загадочному однокласснику Бьорну, несмотря на то, что каждую из пропавших перед исчезновением, видели именно с ним...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147795-0

Copyright © Леа Стенберг, 2022
© Д. Боброва, иллюстрация
© Т. Костина, иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ», 2022
В оформлении использованы
изображения с лицензией ©Shutterstock

*Иногда сны сбываются.
Иногда сны больше,
чем просто сны.*

Любовь и страх — два самых сильных чувства во Вселенной. Мощные энергии, руководящие всем на свете. По сути все подчинено только им.

Любовь — величайшая из пыток. Теперь я знаю об этом. Постичь ее, познать всю глубину дано не каждому. И не сразу. Любовь будет кромсать на части, истязать, точить, как вода камень — годами, пока не разрушит окончательно.

А страх... Страх — это то, что я испытываю сейчас, глядя на поверженного у моих ног. Глядя на того, кого люблю.

Увы, теперь мне известно, что такое вырвать сердце из груди — в прямом смысле.

Дрожащими руками я касаюсь зияющей раны на его теле и понимаю: это конец. Несмотря на очевидность случившегося, все же наклоняюсь в наде-

жде услышать его дыхание. Тишина. Мои щеки обжигают горячие слезы.

— Когда-нибудь ты простишь, — шепчу я. — Я не могла поступить по-другому. Когда-нибудь ты меня простишь.

ЧАСТЬ I

REGNVIND

Те, кто пропал,
уже не возвращаются

ГЛАВА 1

— Трасса самоубийц, — поясняет водитель, когда все пассажиры приникают к окнам. — Так ее называют.

Узкая горная дорога петляет, и в свете полной луны мы наблюдаем, как дрожит пламя сотен свечей, хаотично расставленных на земле среди букетов цветов. По салону автобуса проносится шепот. Зрелище шокирует меня не меньше, чем остальных, но я спешу отстраниться от холодного стекла и закрыть глаза.

Сколько же людей здесь погибло по собственной глупости, неосторожности и по велению злого рока? Десятки? А может, сотни — судя по количеству зажженных огоньков?

Дорога убаюкивает, но у меня не получается уснуть. Ничего удивительного — у меня очередное обострение расстройств сна.

Обычно тетя Ингрид быстро приводит меня в форму своими снадобьями, но сейчас ее рядом нет. Если говорить правду и называть вещи своими именами, стоит признаться: я сбежала. А если уж быть честной до конца, то никакая она мне не тетя. Но сути дела это

не меняет: Ингрид Свенссон — единственный близкий мне человек и мой официальный опекун.

Так что да: я поступила с ней не лучшим образом, сбежав из дома, но это ради ее же блага. По крайней мере, так я утешаю себя.

Объясню, что к чему.

Ингрид — лучшая подруга моей мамы Карин, которая умерла во время моего появления на свет. Она могла сдать меня в приют или бросить на произвол судьбы, но поступила иначе. Все эти годы она воспитывала меня как собственную дочь: с момента рождения и до сегодняшнего дня, то есть почти восемнадцать лет.

Ингрид заботилась обо мне, дала мне прекрасное воспитание и неплохое образование, она посвятила всю себя мне и по этой причине не обзавелась собственной семьей и до сих пор не устроила личную жизнь.

Тетя любила меня, но я острее, чем когда-либо, чувствовала, что обременяю ее. За ней ходили толпы ухажеров, но она отвергала их одного за другим — и в этом крылась моя вина. Красивая и веселая тридцатишестилетняя женщина должна была вспомнить, что воспитывать чужого ребенка не единственное ее предназначение. Пришло время ей подумать, наконец, о себе. Поэтому я ушла.

А еще потому, что в один прекрасный день узнала, что у меня есть бабушка. Вернее, была. Все это время она жила в Реннвинде.

Мне стало известно об этом, когда нам по почте пришли бумаги: сообщение о смерти и документы на ее дом. Мы с Ингрид долго спорили, что делать

с наследством, но так и не пришли к общему решению. И как только тетя снова уехала собирать дикорастущие растения, я раскопала в сети информацию о Реннвинде, собрала чемодан, взяла ключи от бабушкиного дома и ушла.

Я оставила записку.

Лишь чертову записку на столе!

Знаю. Вряд ли так прощаются с тем, кто посвятил тебе восемнадцать лучших лет своей жизни, но в тот момент решение уехать в родной город матери казалось мне единственно верным. Теперь же я страдала от чувства вины, пытаюсь утешить себя тем, что тетя без меня наконец-то сможет начать новую жизнь.

* * *

«Добро пожаловать в Реннвинд», — гласит табличка.

Я выпрямляюсь в кресле и припадаю к окну. Если бы автобус не сломался по дороге, мы не проторчали бы четыре часа на трассе, ожидая техпомощь, и не въехали бы в город затемно. Но, видимо, существует какая-то высшая цель в том, чтобы Реннвинд впервые предстал передо мной именно таким — темным, туманным, зловещим.

Как бы он ни выглядел, я радуюсь, что приехала сюда. В этот город тянулись все ниточки истории под названием «Рождение Линнеи Остлунд». Только здесь я могла найти ответ на вопрос, почему беременная Карин Остлунд, моя мать, бежала отсюда много лет назад. А главное, от кого? И именно в Реннвинде живет мой единственный ближайший родствен-

ник — мой отец. Кто он такой, мне еще предстоит выяснить.

Автобус пронесется мимо кладбища и стоящей поодаль старой каменной церкви. Деревья, в свете луны протягивая сухие ветви, точно тянутся ко мне крючковатыми пальцами. С макушки могучей ели вдруг срывается и взмывает вверх, растворяясь в сером тумане, большой черный ворон.

Я ежусь и касаюсь кончиками пальцев кулона, висящего на шее. Когда-то он принадлежал моей матери, и поэтому особенно мне дорог.

— Через минуту будем на месте, — сообщает водитель.

Все начинают суетиться: одеваются, застегивают куртки, подтягивают к себе сумки и вешают на плечи рюкзаки. Пассажиров всего семеро, включая меня, но это помогает мне не так волноваться, что придется очутиться на пустынной городской улице в полночь.

Или я ошибаюсь насчет пустынной.

На улицах Реннвинда мелькают освещенные витрины магазинчиков, мигают светофоры, фонари льют желтый свет, тут и там пляшут искры костров и горящие факелы.

— Праздник в честь прихода весны, — говорит кто-то из пассажиров.

И как я могла забыть!

В эту ночь по всей стране отмечают этот жуткий праздник. Люди вытаскивают старье из дома, чтобы сжечь на городских площадях под завывание дудок и радостное улюлюканье. Судя по всему, местные тоже почитают эту традицию: повсюду встречаются подростки в причудливых масках, с факелами и вы-

пивкой в руках, а на площади высится огромный костер, кажущийся в темноте оранжевым столпом, поднимающимся к небесам.

— Ну и жуть, — радостно шепчет женщина, двигаясь к выходу.

Автобус ухает и замирает у края дороги. Пассажиры спешат к выходу. Еще раз проверив в кармане бумажку с адресом, я поднимаюсь, беру сумку и следую за ними.

— Всего хорошего, — улыбается мне водитель.

Я улыбаюсь в ответ, не зная, что ничего хорошего меня здесь не ждет.

Едва мы оказываемся на остановке, пассажиры автобуса расходятся в разные стороны. Я остаюсь стоять в одиночестве, подняв от ветра воротник и судорожно вдыхая влажный ночной воздух. Там, где гремит музыка, и мелькают огни костра, больше шансов найти того, кто подскажет мне дорогу, поэтому, вздохнув, я ставлю сумку на колесики и тащу за собой.

Через пару минут меня уже окружает толпа кричащих и танцующих людей. Многие из тех, кто моложе, обливают окружающих вином из пластиковых стаканов, смеются и громко кричат. Традиция носить на День весны устрашающие белые маски с уродливыми рожицами и кричать, чтобы отпугнуть злых духов, для меня не в новинку. Но сейчас я одна в незнакомом городе. И всякий раз, когда кто-то напрыгивает на меня с разбега или наклоняется к моему лицу и кричит, по моей спине пробегают мурашки.

Шарахнувшись от парня, который вдруг начал мычать, словно корова, я решаю отойти на безопасное расстояние от толпы.

— Ты ее напугал, Улле! — звонко смеется девушка, оттаскивая его от меня.

— А тебе что, совсем не страшно? У-у-у! — продолжает мычать он, протягивая к ней руки.

Я иду дальше по дорожке, вдоль которой стоят деревянные скамейки с изящными каменными основаниями. Позади скамеек стеной возвышается черный лес. Здесь тише, и не слепят языки костра, но мое сердце продолжает стучать словно бешеное. Не в силах его унять, я останавливаюсь посреди дороги.

— Тоже не в восторге от всей этой вакханалии? — вдруг спрашивает кто-то.

Я резко оборачиваюсь на звук.

— Ну, в смысле... — Передо мной девушка. Странное лоскутное вязаное платье, массивные кроссовки с полосатыми гетрами, немыслимое количество бус, веревок, украшений на шее, фенечек на руках и кольцо в губе. Она очерчивает пальцем вокруг своего смуглого лица. — Ты тоже без маски. Не по душе этот «праздник»? — Девушка изображает в воздухе кавычки.

Цыганка?

Я оглядываюсь по сторонам.

Тихо, темно, пустынно.

Я с детства привыкла относиться к представителям этого народа настороженно. Я смутно помню всю историю, помню лишь атмосферу парка аттракционов и взгляд черноволосой женщины, которая по-

дошла ко мне и крепко схватила за руку, стоило тете Ингрид отойти за билетами на карусель.

— Как интересно, — пробормотала женщина.

И я испуганно выдернула свою пухлую ручку из ее шершавой ладони.

— Про таких, как ты, — сказала женщина, бледнея, — мне все известно. *Тебя убьет любовь*. — Она попятилась. — Убьет!

— Убирайся отсюда! — выкрикнула ей в лицо вдруг возникшая рядом тетя Ингрид. Она присела на корточки и стала меня осматривать. — Она трогала тебя? Что эта женщина сказала?

— Если хочешь жить, убей его сама! — прокаркала цыганка и скрылась в толпе.

Этот случай быстро забылся, но слова засели глубоко в моей голове.

«Тебя убьет любовь» — что это означало? Книжки о любви, которые я таскала из библиотеки Ингрид, твердили, что любовь ранит, причиняет боль, терзает и прочее-прочее-прочее. Знакомясь с их содержанием, я примерно догадывалась, чего следует ожидать в будущем, если не повезет влюбиться. Но *убивающая* любовь — это звучало действительно пугающе. Может, именно поэтому и запомнилось?

— Ты чего? — Девчонка наклоняется и машет перед моим лицом руками. — Зависла?

— Я... — Мне приходится прочистить горло. — Я... нет. Простите.

— Неместная? — хмурится она, разглядывая мою сумку. — Все валят отсюда. Не понимаю, что может заставить человека по доброй воле приехать в забытый богом город дождя и ветра?

— Вы не подскажете, как мне найти этот адрес? — Спohватившись, я протягиваю ей листок.

Девчонка подставляет бумажку под тусклый свет фонаря.

— Как интересно, — ухмыляется она. Опять эти слова. И заметив, как я напряглась, тут же отмахивается. — Дальше по дороге. До конца, не ошибешься.

— Спасибо. — Выхватив записку с адресом, я спешу дальше.

Ветер завывает в вершинах сосен, по дороге стелется туман. Близость леса заставляет меня испытывать почти первобытный ужас и напряженно вглядываться в зияющую меж могучих стволов темноту.

Постепенно мостовая сменяется асфальтом, дорожка становится ровной, моя сумка перестает подсакивать, и колесики больше не дребезжат, но из-за тишины вокруг отголоски звуков с площади кажутся лишь более зловещими. Наконец, вдали показывается дом, и я не могу удержаться и ускоряю шаг.

И вдруг слышу тихие голоса.

— Послушай меня, — настойчиво произносит мужской голос.

Я останавливаюсь и вижу их.

— Отвали уже! — взвизгивает девица в ярко-желтом платье и красных туфлях.

Она стоит всего в паре метров от меня, привалившись спиной к дереву, а парень возвышается над ней — высокий, широкоплечий. Свет фонаря лишь слегка касается спины незнакомца, но я все же замечаю пугающий рваный шрам на его шее.

— Если хочешь жить... — Он осекается, перехватив ее взгляд, и резко оборачивается.

Я перестаю дышать. На лицах обоих — устрашающие маски.

— П-простите... — бормочу я, вцепившись в ручку сумки.

И уже собираюсь продолжить путь, как мне вдруг мерещится, что глаза незнакомца ярко вспыхивают желтым и их переполняет дикая, неконтролируемая ярость.

— Простите, — повторяю я и бросаюсь дальше по дороге.

Показалось ли мне, что его глаза светятся, или в них отразился свет фонаря, мне разбираться не хочется. Я во весь дух несусь по улице.

Нужный дом, как и обещала та девчонка, оказывается в самом конце. Двухэтажный аккуратный домишко со старомодными занавесками на темных окнах, низенький заборчик и пришедший в запустение газон. Довольно милое жилище, надо заметить.

Отдышавшись, я нерешительно ступаю на крыльцо, втаскиваю за собой сумку, достаю из кармана ключ и дрожащей рукой вставляю в замочную скважину. Поворот, еще поворот — он подходит. Мое сердце пускается вскачь. Я выдыхаю, и с тихим скрипом передо мной отворяется дверь в неизвестность.

Дом встречает меня прохладой и витающей в воздухе затхлостью. Я нащупываю выключатель, давлю на клавишу, и пространство коридора заполняется густым, темно-желтым светом.

Обстановка, прямо скажем, небогатая.

Я запираю дверь на засов, оставляю сумку у входа, прохожу в гостиную и включаю свет. У стены стоит старомодный диван и низкий журнальный столик, у окна — кресло-качалка. Растения в горшках на подоконнике и настенной полке давно высохли, и пол покрыт черной шелухой ссохшихся листьев. На всех поверхностях темнеет пыль, упаковки с сердечными лекарствами и потрепанный томик стихов тоже покрыты толстым пыльным слоем.

У меня щемит в груди, едва я замечаю фотографию на каминной полке. На снимке моя мать — примерно в том же возрасте, в котором я нахожусь сейчас. Она улыбается, и на ее щеках искрятся россыпи озорных веснушек. Глаза мамы лучатся светом, а длинные черные волосы ласково обнимают плечи. Она кажет-

ся счастливой и совсем юной. Ее лицо — будто мое отражение в зеркале.

Хотелось бы мне увидеть его перед собой, сосчитать все морщинки, погладить эти мягкие волосы... Но, увы, чудес не бывает.

Я замираю, глядя на кресло-качалку.

Оно стоит так, чтобы, сидя, можно было смотреть на эту фотографию. Но почему бабушка, которая так сильно тосковала по дочери, что держала в поле зрения ее портрет, не захотела познакомиться со своей внучкой? Узнав о бабушке, я представила ее злой, непримиримой и жестокой женщиной, но теперь, глядя на снимок на камине, не знаю, что и думать.

* * *

— Что это?

Обнаружив на столике в спальне Ингрид бумаги, я потребовала ответов.

Уставившись на пакет в моей руке и осознав, что скрывать больше не имеет смысла, тетя вздохнула и тяжело опустилась на стул.

— Кто такая Вильма Остлунд и почему у нее моя фамилия? — Я швырнула бумаги на стол.

— Нея... — пробормотала Ингрид, отводя взгляд.

— Что ты скрываешь от меня?

За пять минут до прихода тети я успела пролистать эту кипу документов, и все, что поняла, — какая-то Вильма Остлунд отошла в мир иной, и ее имущество, а именно — двухэтажный дом в городе

Реннвинд, цельно и безраздельно перешел единственному наследнику — Карин Остлунд.

— Я собиралась с духом. Не знала, как лучше тебе сказать. — Ингрид скрестила руки на груди.

— Кто такая Вильма?

— Твоя бабушка.

— У меня есть бабушка?!

— Была, — она пожала плечами. — Она умерла несколько месяцев назад.

— И я узнаю об этом только сейчас?!

— Прости. — Тетя потянулась ко мне, хотела погладить по плечу, но я резко вырвалась.

— Чего еще я не знаю?!

Мой мир переворачивался с ног на голову, и мне срочно нужны были ответы.

— Это сложно, детка.

— Сложно? — я задыхалась от возмущения. — Сложно?! Что может быть легче, чем сказать мне, что у меня есть бабушка?! Или я не должна была узнать об этом никогда? Почему?

Ингрид облизала полные губы.

— Карин не просто уехала в другой город, — вымолвила тетя. — Восемнадцать лет назад она бежала из Реннвинда — из-за Вильмы. Твоя бабушка... она была весьма старомодна и вряд ли бы приняла дитя, рожденное вне брака. Зная, что мать придет в ужас от известия о беременности, Карин поспешила уехать, оставив лишь записку, в которой сообщала, что отправляется во Флодбергский университет, который принял ее на учебу.

— Моя мать умерла! — не выдерживаю я. — Бабушка ведь знала о моем существовании, да?!

Ингрид нехотя кивнула. Похоже, было что-то, о чем она боялась мне сообщить.

— Тогда почему ты не давала мне видиться с ней?!

— Она... — Тетя виновато посмотрела на меня и закусила губу. — Она... Прости, детка, я не знаю, как это сказать, у меня просто не поворачивается язык.

— Что?

— Вильма отказалась от опекуинства и...

У меня оборвалось дыхание, но я все же выдавила:

— И?

— И сколько я ни уговаривала ее, она всякий раз отказывалась от контакта с тобой. — Ингрид подошла и несмело взяла меня за руку. Она сжала мои дрожащие, холодные пальцы. — Я приглашала ее во Флордберг, предлагала приехать самой и даже отправляла однажды твоё фото — думала, может, хоть это тронет ее сердце. — Тетя обняла меня и прижала к груди. — Мне очень жаль, Нея. И очень стыдно за нее. Я не знаю, почему Вильма поступила именно так.

— Может, это из-за моего отца? — Я отстранилась и посмотрела на нее. — Ты ведь знаешь, кто он? Кем он был? Он жив? Он ведь еще молодой, как ты. Или?..

Ингрид шумно втянула носом воздух, а затем медленно выдохнула.

— Мы же говорили об этом, детка.

— Да-да, я помню: мама никогда об этом тебе не рассказывала. Ты не знаешь, кто мой отец.

— Прости, — кивнула она.

— Но вы же были лучшими подругами!

— Карин унесла эту тайну с собой в могилу, — сказала тетя.

Это была явная ложь.

Ингрид никогда мне не скажет, кто мой отец. Интересно, почему?

— Разве это так важно? — улыбнулась она, пытаюсь успокоить меня.

— Получается, что я совсем одна, — прошептала я.

— Одна? — Тетя ущипнула меня за плечо. — А как же я?

— Прости. — Я бросилась ей на шею и обняла. — Ты единственная, кто меня не бросил. Ты столько делаешь для меня...

— Ну же, ну же, полно, детка. Не плачь. — Ингрид погладила меня по спине.

— А что мы теперь будем делать с домом? — оживилась я, размыкая объятия. — Мамы нет, значит, он... наш? Разве тебе не надоело мыкаться по съемным квартирам? Нам же приходится переезжать каждые два года, как только кончается контракт на аренду. Может, стоит обосноваться в Реннвинде или как его там?

Ингрид явно растерялась.

— В Реннвинде? — Ее брови взметнулись вверх. — Ты, вообще, знаешь, что это за место?

— *И что это за место?*

— Забытый богом городок, окруженный с одной стороны лесами, а с другой горами. Настоящая глушь! Люди там живут старыми традициями, верят в силы природы и прочую чушь, а солнце в Реннвинде такой же частый гость, как снег на южном побережье!

— Там сыро и холодно? Да нет проблем! — улыбнулась я. — Зато у нас будет свой дом, разве не круто? Ты ведь продаешь свои травы через интернет,

так что для тебя переезд не станет проблемой. К тому же близость к природе только на руку — тебе не придется тратить много времени на поездки за травами! И что еще лучше: ты можешь устроить во дворе садик с лекарственными растениями! Сделаем для тебя теплицу, хочешь? Разве это не прекрасно, Ингрид?

Глядя в ее смятенное лицо, я вдруг поняла, что хочу лишь одного: приехать туда, где все начиналось для моей матери. Хочу увидеть дом бабушки и понять, кем она была и чем жила. Хочу найти отца, ведь он, возможно, даже не знает о моем существовании. А что, если он будет рад, что у него появится дочь?

Наивное детское желание быть кому-то нужной в тот миг разрослось до такой степени, что могло бы двигать горы.

— Хорошо, но... — Ингрид пожала плечами. — Давай ты сначала доучишься?

— Я могу доучиться в Реннвинде! Там ведь есть школа?

— Есть, но... — задумалась тетя, закусив губу.

— Что? — уставилась я на нее.

— Не лучше ли тебе сначала... набраться сил? Здесь, во Флодберге, у тебя сильные преподаватели, отличная программа...

— Набраться сил? — я не верила своим ушам. — Да что не так с этим Реннвиндом?!

Ингрид приложила руки к вискам и уткнулась взглядом в пол. Молчание длилось около минуты, затем она хрипло произнесла:

— Возвращение в Реннвинд — непростое решение для меня. — Тетя подняла на меня глаза. — Я уехала

оттуда вместе с Карин потому, что мне нечего было оставлять в этом городишке. Моя мать погибла в нелепом пожаре за месяц до того, как мы с Карин покинули Реннвинд, и если мы поселимся в доме Вильмы, всякий раз, подходя к окну, я буду видеть обугленные головешки на окраине леса, оставшиеся от дома родителей.

— Ингрид, ты не говорила мне... — Я была ошеломлена.

— Это непросто, поэтому дай мне время, — попросила она. — Мне нужно настроиться на этот переезд. Но, если ты хочешь, мы можем съездить в Реннвинд летом, как только оформим все необходимые документы на наследство.

— Хорошо, — вздохнула я, обнимая ее и глядя на лежащие на столике рядом с документами ключи от дома Вильмы.

Возможно, мне не придется дожидаться лета.

* * *

Я вспоминаю этот разговор, сидя в кресле-качалке бабушки. Достая телефон и проверяю, нет ли пропущенных звонков от Ингрид. Разумеется, нет. Когда она уезжает за травами, на пару дней остается без связи. Лишь иногда от нее приходят сообщения, ответы на которые она получает, когда оказывается на возвышенности, где устраивается на ночлег в охотничьем домике.

Я улыбаюсь, думая о тете. Если кто-то и мог заняться такой необычной работой, как собирание, выращивание и продажа лекарственных трав, то только

моя чудаковатая и безрассудная искательница приключений Ингрид, которая умеет звонко смеяться и обожает петь, пока готовит на кухне.

Ее хлопковые платья причудливых форм, летящая походка, длинные, разметавшиеся по плечам ярким золотом волосы — все это ассоциировалось у меня с легким весенним ветерком. Тетя и была такой: веселой, позитивной, смешливой и порывистой, как вихрь. Иногда мне казалось, что взрослая в нашей семье я, ведь часто именно мне приходилось улаживать бытовые вопросы, в то время как никому не под силу было унять творческий пыл Ингрид.

Окончив университет и проработав пару лет в офисе, она поняла, что такая работа не для нее. Так тетя стала гуру самопознания и начала изучать основы натуропатии. Самые яркие воспоминания детства у меня о том, как мы шли с лекции на лекцию, посещали семинары и фестивали и как тетя, всегда бравшая меня с собой, с интересом слушала все, о чем там рассказывали.

Гипноз, медитация, лечебное голодание, йога, акупунктура, аюрведа, диета, фито- и флоротерапия, настои, отвары — этим были наполнены тогда наши будни. Количество растений на полках и подоконниках с каждым годом росло и вскоре достигло немислимого размаха. Представьте, как тяжело было переезжать и всякий раз таскать с места на место гору кашпо, вазонов и горшков с целебными растениями!

Хотя, признаюсь, нам было весело: я росла, не чувствуя себя одинокой, а тетя с удовольствием носилась по полям, собирая травы, составляя сборы

на продажу, упаковывая их в коробки и пакеты и отдавая в доставку.

Она консультировала, помогала, лечила, вдохновляла сотни людей по всей стране, а я помогала ей и радовалась, что тетя черпает в этом необычном ремесле вдохновение.

Выглядела Ингрид как сумасшедшая хиппи, да и вела себя так же — казалось, будто она опьянена жизнью и всем, что ее окружает. Может, именно это и собирало вокруг нее последователей и поклонников, да и количество мужчин, желавших добиться ее расположения, с каждым годом только увеличивалось.

Единственное, с чем не могли справиться ее волшебные чаи из трав, это мои странные пугающие сны. Они начались, когда мне было лет пятнадцать, и с тех пор приходили все чаще. Иногда я даже ходила во сне, а наутро обнаруживала себя лежащей на полу в гостиной или сидящей за столом на кухне. Правда, в последнее время все изменилось: я познакомилась с бессоницей. Казалось, организм стал противиться необходимости расслабиться и погрузиться в сон.

Целебные чаи тети обычно помогали проспать до утра, но в дополнение к ним я изматывала себя вечерними и утренними пробежками. Эти странные сны наводили на меня ужас, но их отсутствие напрочь лишало сил. Так что выхода у меня не было.

Но здесь, в Реннвинде, могли найтись ответы и на эти вопросы. Что означали мои сны? И что именно я видела: ничего не значащую чушь, чье-то прошлое или, может, собственное будущее?

* * *

Хотя я отказалась от вечерней пробежки, мне удастся задремать почти сразу — прямо в кресле-качалке бабушки. Я почти проваливаюсь в сон, когда телефон извещает, что на почту пришло уведомление. Достаяю его и пялюсь на экран: «Гимназия Хемлиг города Реннвинд готова зачислить вас в число учеников, просим подойти с оригиналами документов на собеседование». Я вижу число и время встречи и понимаю, что это уже завтра утром. Но даже это не способно выдернуть меня из надвигающегося сна. Бессонница решает дать мне передышку — как не воспользоваться таким подарком?

Я убираю телефон в карман, поднимаю воротник куртки и закрываю глаза.

По окнам громко хлещет дождь, барабанит, ударяется о стекло тугими каплями, но этот звук доносится до меня, словно сквозь пелену. Все тело сковано, и я не могу пошевелиться. Только слышу, как что-то холодное крадется ко мне во тьме.

Пытаюсь кричать, но тщетно.

Из сдавленного горла рвется лишь тихий всхлип.

— Кто ты? — наконец, спрашиваю я.

Ощущение чьего-то присутствия не отступает.

— Ты, ты, ты... — вторит мне эхом пустота.

А затем я поднимаю голову и вижу на небе две луны. Они плывут в сером мареве, точно в мутной воде — друг другу навстречу. Потом одна из них заходит за другую, и они становятся единым целым.

Я вижу черного ворона, воинственно раскинувшего крылья на фоне двулунного диска, он издает пугающий крик, и блуждающие во тьме леса огни стремительно взмывают к небу.

Последним, что мне удастся рассмотреть, перед тем, как вернуться в реальность, становится лицо

водителя автобуса: он больше не улыбается мне, его глаза полны ужаса, будто он видит что-то страшное перед собой. Мне тоже хочется увидеть это, но я не успеваю — подскакиваю и распахиваю глаза.

Где я?

Оглядываюсь.

Кресло-качалка, камин, в окно брызжут рассветные лучи.

— Господи...

Я все еще тяжело дышу, мое тело покрыто липким потом, но осознание того, что все кончено и наступило утро, позволяет расслабиться. Но приложив ладонь к лицу, я вдруг ощущаю что-то горячее над верхней губой. Трогаю пальцами, отвожу руку — кровь. Опять кровотечение из носа. Что довольно часто происходит, когда мне снятся кошмары.

Я встаю и подхожу к окну.

Над красными крышами домов стелется белый, точно молочная пена, туман. Вершины вековых сосен мягко подрагивают в такт утихающему ветру. Реннвинд на рассвете кажется спокойным и умиротворенным, но это спокойствие может оказаться лишь уловкой затаившегося и готовящегося к прыжку дикого зверя.

Я развожу огонь в камине, беру полотенце и медленно бреду в ванную комнату. Там чисто и скромно. Приблизившись к зеркалу, я стираю с него пыль и в первую секунду не узнаю себя. Дело не в засохшей полоске крови под носом и не в усталом взгляде — на мгновение мне кажется, что это бледное лицо не мое, а кого-то другого. И на этом чужом лице черным вспыхивают пустые глазницы.

— Ох... — выдыхаю я, едва образ проясняется.

Мне постоянно снятся чьи-то грубые руки, которые хватают меня, связывают веревки на моих запястьях, а затем втыкают мне длинные иглы в вены. Если все продолжится в том же духе, то место в психушке, где регулярно колют пациентам седативные препараты, мне обеспечено.

Я поворачиваю кран, тот кряхтит, плюется, но вскоре оживает и подает мощную струю воды. Когда она нагревается, я лезу под душ и закрываю глаза. Все хорошо, все образуется. Но сколько ни уговаривай себя, от реальности не сбежишь — мне одиноко и страшно.

Приняв душ, я надеваю беговой костюм и иду на кухню.

Вязаные коврики на полу и полотенца с узорами создают уют. Отыскав чайник, я мою его, наполняю водой и ставлю на плиту. Снова смотрю в окно: ветер треплет лозы вьюнка на кованой ограде, играет листьями деревьев по краям дорог. Я представляю, каково это — родиться здесь, вырасти, быть частью этого мира.

Когда вода закипает, я выключаю чайник и беру кружку. Она довольно глубокая, пузатая и, кажется, раскрашена вручную: на ней изображена мордочка медведя. Толстый мишка улыбается мне. Возможно, бабушка пила из этой кружки по утрам. Или это была мамина кружка?

Я достаю из сумки бутерброды и выкладываю на тарелку. Обычно я завтракаю после пробежки, но сегодня я чувствую зверский голод — этот сон отнял мои последние силы. Интересно, как далеко отсюда магазин? Нужно срочно заполнить холо-

дильник. Моего пособия хватит на оплату школы и коммунальных услуг, а вот на остальное — нет. Хм. Придется искать подработку.

На часах половина седьмого. Скоро тетя вернется домой и обнаружит мою записку. Боюсь даже думать, как она отреагирует?

Но тревога и волнение не могут лишить меня аппетита.

* * *

На пробежку я выхожу спустя пятнадцать минут. Перед тем как нацепить наушники, прислушиваюсь к звукам. Реннвинд окутан тишиной, словно саваном, — даже птицы не поют. Я поднимаю голову и с удивлением наблюдаю за несколькими, кружащими в вышине. Похоже, это голуби, они словно потеряны, сбились с пути. Хаотично кружат, потеряв ориентиры.

Надев наушники, я ускоряю шаг, а затем перехожу на бег.

То и дело я сбавляю темп, чтобы полюбоваться зданиями: современные дома, стены у которых полностью из стекла, но они гармонично соседствуют со старинными каменными особняками с готическими башенками.

Везде очень чисто, асфальт почти блестит — хотя, это, возможно из-за прошедшего ночью дождя. Но все это не идет ни в какое сравнение с великолепием здешней природы: колышущиеся на фоне горных пиков верхушки деревьев завораживают меня своим танцем.

В школу я прибываю незадолго до восьми. Дорогу пришлось спросить у местных, и надо признать, все жители Реннвинда, с кем я поговорила, были очень со мной любезны.

Но на будущее я решаю, что нужно узнать расписание школьного автобуса либо достать где-то велосипед, ведь, похоже, погода здесь меняется по пять раз на дню, а мне не хочется попасть под ливень или снежный буран за те тридцать минут, пока иду до школы.

— Заблудилась? — спрашивает меня рослый парень в свитере с нашивкой-гербом на груди.

Я впиваюсь взглядом в герб, на котором медведь размахивает секирой, и потом поднимаю взгляд на парня. Мотаю головой — нет. Он смеется, поправляет сумку на плече, а затем бодро взбегает по ступеням и скрывается за массивной дверью.

Я продолжаю стоять перед входом под крапывающим дождем и пялиться на старинное здание гимназии Хемлиг, которое будто вросло в основание горы. Ветер дерзко треплет мои волосы, играет подолом юбки, а я пытаюсь представить, как много лет назад по этим ступеням поднималась моя мать. Интересно, она тоже носила строгую форму с гербом-нашивкой?

Вдруг мои мысли прерывает рычание мотора.

Я оборачиваюсь и вижу, как к стоянке, прилегающей к школе, подъезжает блестящий черный внедорожник. Он делает резкий маневр и вписывается в узкое пространство между другими автомобиля-

ми. Шины визжат, и водители, которым повезло меньше, сигналият лихачу. Хотя вряд ли их гудки произведут какое-то впечатление на водителя, который, видимо, считает, что грубой силой можно все решить.

Он выходит из машины, лениво хлопая дверью. Рослый блондин с длинными кудрявыми волосами, убранными в низкий хвост. Голубые глаза, кажущиеся холодными и бездонными, впечатляющий рост, мощные плечи и легкая походка хозяина жизни — настоящее олицетворение силы. Красивый и бесстрашный, точно викинг.

Пока парень, закинув сумку на плечо, уверенно движется вдоль стоянки, я представляю, как красиво будут развеваться по ветру его волосы, если их распустить.

— Не пялься так, — усмехается кто-то.

Я бросаю взгляд через плечо и вижу ту девчонку, которая подсказала мне вчера дорогу. Сегодня на ней школьная форма: сдержанная темно-синяя водолазка, жилет, юбка до колен и черные лоферы. И только полосатые гольфы и украшенные десятками заколок волосы выдают ее бунтарский дух.

Я отворачиваюсь и вижу, как от компании стройных девиц в коротких юбках отделяется высокая блондинка с идеально прямыми волосами и стопкой учебников в руках. Она падает в объятия Викинга, и тот впивается ей в губы поцелуем. Это неправильно, но в этот момент я думаю, каково это — целовать его? И размышляю, побегут ли мурашки по моей спине, если он обнимет меня вот так за талию?

Они идут вместе по направлению к входу, и парень внезапно поворачивается ко мне. От его неприятного взгляда мне вдруг становится не по себе.

«Не пялься так», — звенит в голове голос девчонки.

И, словно очнувшись ото сна, я резко втягиваю прохладный воздух, быстро поднимаюсь по ступеням и вхожу в здание вслед за ними.

Среди узких коридоров с высокими потолками кабинет с табличкой «Директор» мне удастся найти без труда.

— Присядьте, — говорит мне секретарь.

Я опускаюсь на скамейку и бросаю взгляд на здоровяка, который сидит напротив.

Парню лет семнадцать-восемнадцать, его темные волосы коротко пострижены, черты лица заострены, и наглая ухмылка лишь подчеркивает крутой нрав. Он сидит, ссутулившись и бесцеремонно вытянув ноги. Незнакомец будто спит, его глаза закрыты, но я уверена, что сейчас он смотрит прямо на меня.

Я не смущаюсь: открыто разглядываю его крепкую фигуру, белые кроссовки, мятые брюки и выглядывающую из выреза косухи светлую джерси с гербом школы.

Тот голубоглазый парень вел себя так, будто входит в элиту гимназии: грубоватый, знающий себе цену, — но выглядел он ухоженным, а этот — чистый бунтарь. Такому плевать, как на него посмотрят и что подумают.

Я сканирую взглядом его фигуру, сильные руки и вдруг вижу ухмылку на его губах — значит, он заметил мою заинтересованность. Точно — смотрит мне

прямо в лицо. Мне становится неловко, но я не подаю вида: стойко выдерживаю его взгляд.

«Глаза у него карие, — отмечаю я про себя, — хитрые, но добрые».

— Микаэль Линдстрем, — слышится голос секретаря.

Он поднимается со скамьи и подмигивает мне. Провожая его взглядом, я гадаю, почему парни в этой гимназии такие рослые и крепкие? Может, они из школьной команды по хоккею? Или у них здесь популярна гребля?

А когда он выходит из кабинета, мы снова встречаемся взглядами. Парень подходит к столу секретаря и протягивает ей бумагу. Та выглядывает из-за его спины и приглашает меня:

— Линнея Остлунд, можете войти.

— Спасибо, — киваю я.

И пока иду к двери в кабинет директора, остро чувствую на себе взгляд парня.

— Линнея. — Директор, женщина лет сорока, приветствует меня сдержанной улыбкой. — Меня зовут Клара, я — руководитель этого заведения. Присаживайся. — Она указывает на стул, а сама садится в свое кресло.

— Здравствуйте, — киваю я, опускаясь на стул и сжимая руки на ремне сумки.

Я стараюсь держать спину прямо и не нервничать.

— Так, значит, ты из Флодберга?

— Да.

— Большой город. — Женщина заправляет за ухо прядь темных волос.

Ее волосы до плеч стоят колом, будто их отутюжили и закрепили стойким лаком. Плечи директрисы расправлены, спина — как гладильная доска, вся ее поза, каждое движение рук говорит, что она прямолинейна и любит конкретику.

— Моя мама родом из Реннвинда, — произношу я, разглядывая ее жакет.

На нем ни складочки, он так же идеально выглажен, как и ее прическа.

— Карин Остлунд? — кивает она. — Да, я успела просмотреть твои бумаги. Кстати, ты принесла оригиналы?

— Да, конечно. — Я достаю из сумки и протягиваю ей документы.

— Мы с ней были знакомы, — впиваясь взглядом в папку с бумагами, сообщает Клара.

— Правда?

— Не близко. У нас было несколько общих предметов в школе. — Она быстро листает бумаги, пробегается глазами по строчкам. — Кстати, где твой опекун, Линнея? Кажется... Ингрид? Ингрид Свенссон? Они с Карин, кажется, были подругами?

— Да, тетя Ингрид воспитывала меня с рождения.

— И когда она подойдет? — Директриса поднимает на меня взгляд и прищуривается. — Нужно, чтобы твой опекун подписал все бумаги и составил заявление.

У меня пересыхает в горле.

— Она... Тетя сейчас занята переездом. Столько коробок, вещей... Сегодня Ингрид руководит разгрузкой мебели в доме.

— Вы заселились в дом Вильмы?

— Э... да.

— Хорошая была женщина. Соболезную.

— Спасибо. — Я опускаю глаза.

Странно принимать соболезнования в смерти того, кого ты никогда не знал.

— Так когда мне ждать твою тетю?

Ее испытующий взгляд впереется мне в лицо. Только бы не покраснеть.

— Я думаю, она подойдет на неделю... — бормочу я, вдавливая ногти в ладони.

— Отлично! — Губы Клары вытягиваются в тонкую ниточку.

И я впервые замечаю что-то неидеальное в ней: когда она натянута улыбается, ее лоб заполняется тонкими морщинами.

— Добро пожаловать в гимназию Хемлиг. — Директриса захлопывает папку с моим делом.

— Спасибо.

— Думаю, ты можешь приступить к учебе прямо сейчас, — вдруг объявляет она. — Секретарь выдаст тебе твоё расписание, а насчет учебников и школьной формы подойдешь к менеджеру учебной части на цокольный этаж.

— Прямо сейчас?

К этому я не готова.

— Конечно! А чего ждать?

— Х-хорошо, — нехотя киваю я.

— Тогда ступай. — Клара склоняет голову набок.

— Спасибо, — говорю, поднимаясь.

— И кстати, — останавливает она меня.

— Да?

— Я видела в твоём деле отметку о предписании посещать психотерапевта, — ее глаза с подозрением сужаются.

— Да... — признаюсь я. Мой мозг отчаянно ищет решение, ведь те назначенные десять сеансов я так и не прошла: все закончилось на первом приеме, когда психотерапевт стал подозревать у меня галлю-

цинации и искать признаки диссоциативного расстройства личности. — У меня было расстройство сна, — объясняю я. — Большой стресс, сильная нагрузка по учебе и, как следствие, бессонница. Но все уже прошло.

Клара кивает и вежливо улыбается.

— Школьники часто перегружают себя, понимаю. — Она встает, чтобы проводить меня до двери. — Но тебе придется посетить школьного психолога, Линнея. Не переживай, это формальность, все новенькие проходят через это. Просто беседа по душам, и все.

— Я понимаю, — соглашаюсь я, но не удерживаюсь от короткого вздоха.

— Микаэль! — зовет она, открывая передо мной дверь.

Я делаю шаг и почти наталкиваюсь на того парня в косухе.

— Да? — отзывается он.

На его губах появляется подобие добродушной улыбки. Или он только хочет казаться доброжелательным?

— Микаэль, это Линнея, она новенькая, помоги ей с расписанием и покажи тут все.

— Без проблем. — Его хитрые глаза сужаются.

Дверь закрывается, и мы стоим друг напротив друга, не зная, что сказать. Вернее, этот парень знает, но выжидает. Очевидно, ему нравится наблюдать мою растерянность.

— Так, значит, Линнея? — Он протягивает руку.

— Нея, — пожимаю ее я. — А ты Микаэль?

— Микке, — улыбается он.

У него приятная улыбка.

— Ваше расписание, — выдергивает из принтера еще теплый лист секретарь и подает мне.

— Посмотрим, что там, — перехватывает его парень.

— Это *мне* дали, вообще-то, — пробую протестовать я.

— Идем, а то опоздаем на урок. — Микке выписывает меня из приемной. — Мой лимит опозданий на этой неделе и так превышен.

— Подожди, — останавливаюсь я. Но тут же получаю тычок в спину — парень толкает меня локтем, не отрывая взгляда от листка. Он с интересом изучает мое расписание.

— У нас три общих предмета, новенькая, — сообщает Микке.

Мне приходится поторопиться, чтобы избежать еще одного тычка в спину.

— Можно я тоже взгляну?

— Давай скорее, уже звонок.

— Я не слышала звонка, — хмурюсь я.

Вдруг над нашими головами разносятся отрывистые сигналы.

— Вот, — поднимает палец Микке.

— Это что, интуиция?

— Это часы, — усмехается парень. Вытягивает руку и показывает черные часы на запястье.

— А-а-а... — тяну я.

Оставшиеся в коридорах ученики ускоряют шаг, останавливаясь на мне взглядом — еще бы, я тут единственная, кто не одет в форму.

— Держи, — Микке возвращает мне лист.

Я еле поспеваю за ним, но все же пытаюсь разглядеть на бегу расписание.

— География? — читаю в первой графе на сегодня.

— Да, кабинет двадцать восемь, — указывает парень.

— А у меня ни учебника, ни ручки.

— У меня тоже, — усмехается он. — Не переживай, раздобуду. — И останавливается у двери класса так резко, что я врезаюсь в его спину.

— Черт.

— Осторожнее. — Микке оборачивается и подхватывает меня под локоть.

Я поднимаю взгляд и вижу, как в этот класс входят блондин со своей пассией. Он смотрит сквозь меня, а девушка, медленно проплывая мимо, высокомерно оглядывает меня с ног до головы.

— Кто это? — осторожно спрашиваю я, когда они скрываются в дверях.

Микке явно не нравится мой интерес к этой парочке, он подталкивает меня к двери. Мы входим, и преподаватель сразу привлекает ко мне всеобщее внимание.

— Ого, да у нас тут новенькая!

— Здравствуйте, — останавливаюсь я.

— Как вас зовут? — Он расплывается в улыбке.

Теперь ко мне прикованы взгляды всех присутствующих.

— Нея Остлунд, — отвечаю я, обводя взглядом класс.

Блондин бросает на меня скучающий взгляд и тут же отворачивается. Он сидит в среднем ряду с парнями, а его девушка — ближе к окну, в окружении других девчонок. Они хихикают и перешептываются, и их поведение заставляет меня опустить

глаза и проверить, все ли в порядке с моей одеждой. Не считая слегка запылившихся по дороге туфель, выгляжу я вполне презентабельно.

— Очень приятно, а я Андерс, — представляется учитель. — Нея, займи любое место, какое тебе больше нравится.

— Спасибо.

Я смотрю на аудиторию и вижу, как Микке жестом приглашает сесть рядом с ним. Меня не нужно долго упрашивать: мне сейчас так неловко, что я готова сесть с любым, кого хоть немного знаю.

— Держи, — подает он мне шариковую ручку, едва я опускаюсь на сиденье рядом.

— Где ты ее достал? — Мои глаза округляются.

Мы только вошли, а он уже раздобыл все необходимое.

— Учебник, — говорит Микке, доставая свернутую в трубочку книгу из внутреннего кармана.

— Но...

— Магия, — улыбается он, снимает куртку и вешает на спинку стула. В этот момент я отмечаю, что тонкое джерси с эмблемой гимназии ему очень идет.

— Значит, ты волшебник? — интересуюсь я.

— Фокусник, — шепчет мне на ухо он, потому что урок уже начался.

От его шепота по моей шее бегут мурашки.

Мне так неловко, что я вжимаю голову в плечи и смотрю на преподавателя. Мои уши краснеют. На лице появляется глуповатая улыбка, но в эту секунду я ловлю на себе неприветливый взгляд Викинга. Он обернулся, чтобы посмотреть на нас? Но не успеваю я ответить себе на этот вопрос, как он отворачивается.

А может, мне померещилось?

Я поворачиваюсь на шепот, доносящийся с соседнего ряда: блондинка с подружками продолжают меня обсуждать. Их интерес более явный, чем его.

Заметив меня, блондинка ухмыляется. И только одна ее подружка, шатенка с розовой заколкой в волосах, посылает мне приветственную полуулыбку. Я не знаю, как реагировать, поэтому отвечаю полукивком.

— Бьорн Хельвин, — шепчет Микке.

— Что? — поворачиваюсь я к нему.

— Ты спросила, кто этот тип. Я отвечаю: Бьорн Хельвин. Редкий сноб и показушник, так что даже не думай. Он считает, что такие, как мы, не ровня таким, как он. Хельвины — из первых поселенцев Реннвинда, знатный род и все такое. Так что самомнение у них до небес.

— Вижу, вы не особо ладите, — замечаю я, разглядывая широкие плечи и затылок Хельвина.

Его светлые волосы так красиво завиваются на кончиках, что я не могу это не отметить.

— Что ты, мы в одной команде по гандболу, — говорит Микке сухо.

— Значит, соревнуетесь за место лидера?

— Ему со мной тягаться бесполезно. Как только Хельвин перестанет жрать стероиды, сразу сдуется.

Микке так дергает плечом, что за одним этим движением я вижу и долгое противостояние двух парней, и историю их соперничества в спорте, и раздражение, вызванное, возможно, социальными различиями, ведь мой сосед по парте простоватый и открытый,

а Викинг явно ощущает себя чертовски важным, крутым и богатым.

— А эта? — спрашиваю я, кивая в сторону пассии Хельвина, которая продолжает бросать на меня короткие взгляды.

— Лена Сандберг, — отвечает Микке. — Его девушка, и, видимо, поэтому ощущает себя привилегированной особой. Лезет из кожи вон, чтобы удержать Хельвина. — Он придвигается ближе. — Думаю, она сделает все, чтобы его интерес не переметнулся к другой девушке. Например, к хорошенькой новенькой.

— Так я хорошенькая? — ухмыляюсь я.

— Я что, сказал это вслух? — Его брови поднимаются.

Боже, да это ничем не прикрытый флирт! А я всего лишь полчаса в этой школе.

— А это что? — касаюсь я пальцем его запястья.

На пару секунд рукав его джерси приподнялся, и я успела заметить надписи на коже. Похоже, он сделал их шариковой ручкой.

— Ничего, — Микке быстро натягивает рукав обратно.

— Ладно, — хмыкаю я.

Зато теперь мне известно о нем немного больше: у этого парня плохая память, раз он делает заметки на руках.

* * *

Несколько уроков пролетают незаметно. Я изучаю старинное здание школы: сверяюсь с расписанием, нахожу кабинет, жадно слушаю лекции, делаю

заметки в телефоне. Мы больше не встречаемся ни с Микке, ни с Бьорном, но все ребята, которые попадают к мне на занятия, кажутся доброжелательными. С некоторыми мы даже болтаем.

На уроке спорта и здоровья мне приходится бегать в носках — у меня нет с собой кроссовок. Из толпы девчонок я выхватываю сочувственный взгляд своей старой знакомой: ей тоже не нравятся упражнения с мячом, прыжки, толчки и приседания. У нее хмурый вид, и она, кажется, мечтает только об одном — сбежать отсюда подальше.

В соседнем зале слышатся громкие голоса парней: идет тренировка по гандболу. Я задерживаюсь, пока девушки идут в душевую, и смотрю через приоткрытую дверь на игру. На самом деле я просто стесняюсь идти в душевую со всеми. У меня нескладная фигура, тощая, угловатая — и если они смеялись над моей одеждой, то чего ждать в душевой?

Мое подглядывание прерывает учительница урока спорта и здоровья:

— Иди сполоснись, Нея. — Она вручает мне чистое полотенце, упакованное в полиэтилен.

— Благодарю.

Вытащив полотенце из пленки, я прижимаю его к груди и плетусь в раздевалку.

Раздевшись и войдя в душевую я, к счастью, обнаруживаю, что она разделена на кабинки. Занимаю свободную, включаю воду и вижу, как мимо, вытираясь, проходит Лена: похоже, ее совершенно не смущает собственная нагота, даже наоборот — она плавно покачивает бедрами, демонстрируя идеальную фигуру.

Ее подружки выходят следом, и до меня доносится противное хихиканье. Вскоре я замечаю, что осталась в душевой одна. Выдыхаю с облегчением: я не из тех, кто рад повышенному вниманию.

Быстро сполоснувшись, вытираюсь и выхожу в раздевалку. Пол влажный и скользкий, а у меня нет даже тапочек. Двигаюсь осторожно. В раздевалке никого нет. Хорошо, что урок спорта и здоровья был последним уроком — не нужно торопиться.

Я подхожу к шкафчику и застываю в изумлении. *Моей одежды нет!*

Но ведь я оставляла ее здесь? Да, точно здесь — в этом шкафчике!

Но в нем пусто.

Я обхожу раздевалку, открываю ящики и шкафчики, но все они пусты.

Меня раздирает отчаянная злость. Пусть катятся к черту, эти тупые курицы! Когда доберусь до них, выдерну все их блондинистые перья!

Подойдя к двери, я выглядываю в узкий холл, куда выходят женская и мужская раздевалки. Пусто. На глаза мне попадаетися висящий у выхода халат — то, что нужно, чтобы добраться хотя бы до тренерской и пожаловаться учителю.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что в холле никого нет, я прижимаю полотенце к груди: его хватает ровно на то, чтобы прикрыть грудь и то, что ниже, а затем делаю отчаянный рывок — выбегаю и несусь к вешалке.

В ту же секунду на моем пути вырастает мужская фигура. Мгновение уходит на то, чтобы разглядеть светлые волосы, голубые глаза и понять, что это

Хельвикинг, или как его там, и еще одно, чтобы осознать: если не остановлюсь, то врежусь в него!

Ой-ей-ей-ей!

Я подаюсь назад и торможу (отчаянно торможу), но мокрые пятки скользят по керамической плитке, и вносят меня в объятия Викинга.

На заметку: если Лена Сандберг хочет, чтобы ее парень больше не пялился на меня, ей определенно стоит пересмотреть свою стратегию.

— Ой!

От столкновения меня отбрасывает назад, но надо отдать парню должное — Хельвин реагирует мгновенно. Подхватывает за талию и возвращает меня обратно — к своей груди. И крепко прижимает к себе.

Я замираю, и мы в смятении смотрим друг на друга.

Он дышит часто, а у меня не получается сделать и вдоха, но не потому, что руки Бьорна держат меня слишком крепко — просто весь воздух будто покидает помещение и мы остаемся в вакууме.

Надо же... Я не думала, что его глаза вблизи еще ярче.

Как лазурь, растекшаяся под тонкой корочкой льда.

Раньше голубые глаза казались мне неживыми, но эти... сама жизнь. Кажется, что через них на тебя смотрит душа, и она далека от той оболочки из высокомерия, в которую завернут Хельвин. Она — это огонь, а не колючий холод.

Мгновение будто застывает в вечности, пока я разглядываю его светлые ресницы, широкие брови, его прямой нос и красивые, полные губы. Даже успеваю подумать, что спустя годы этому здоровяку пойдет борода. И сглатываю, ощутив его свежее, мятное дыхание.

Но он вдруг моргает, и магия рассеивается.

Пропустив несколько ударов, мое сердце резво заводится и начинает отчаянно колотиться в груди. Я чувствую и горячую руку парня на своей спине, и жар, идущий от его тела.

Мне хочется отстраниться, потому что его прикосновение обжигает. Но Хельвин держит так крепко, что, похоже, ему это нравится и он не собирается меня отпускать.

— Прости. — Я пытаюсь подхватить полотенце, которое опустилось достаточно низко, чтобы приоткрылись округлые полушария груди, но не могу протиснуть между нами руку.

Глаза парня сужаются и вдруг расширяются. А затем уголки его губ ползут вверх в насмешливой ухмылке.

— А ты шустрая, — заявляет он мне в лицо. Его голос бархатисто-низкий, и у меня немедленно слабеют ноги. — Обычно у меня уходит несколько дней, чтобы уговорить девушку раздеться!

Я вспыхиваю от возмущения.

Да как он смеет!

Но если кто-то сейчас войдет и застанет нас в этом недвусмысленном положении, будет еще неприятнее.

— Я не специально! — с возмущением бросаю я и, дернувшись, выскальзываю из его объятий. —

И я не прыгаю обнаженная на первых встречных!
Просто так вышло!

Мне с трудом удается отделиться от него, не уронив полотенце и не обнажив при этом самые интимные части тела.

— Значит, я у тебя первый? — бессовестно разглядывая меня, продолжает ухмыляться он.

— У меня украли одежду! — объясняю я. Хочу всплеснуть руками и чуть не теряю чертово полотенце.

— Занятная история, — смеется он.

Я начинаю пятиться, но снова поскользываюсь и чуть не валюсь на спину. Хельвин снова успевает среагировать вовремя — подхватывает меня под локоть.

— Осторожнее, — хмурится он.

Неужели теперь я вижу в его взгляде участие?

— Спасибо, — опускаю глаза, чтобы убедиться, что полотенце все еще на месте.

Я дрожу от холода, покрывшись гусиной кожей.

От холода ли?

Парень пристально смотрит на меня, и от этого мои мысли путаются.

— Что значит украли? — его низкий голос прокатывается по пустому холлу.

— Я вышла из душа, а ее нет. Ничего нет! Ни юбки, ни кофты, ни тру... Ничего! — отвечаю сипло и стискиваю челюсти. — Нормальные у вас тут порядки, ничего не скажешь!

— Думаю, это часть посвящения новичков, — говорит Бьорн и бросает взгляд на дверь, ведущую в коридор. — Не расстраивайся. — Он быстро скидывает с плеча сумку, бросает ее на пол, затем снимает с себя пиджак и накидывает на меня. — Держи.

Парень наклоняется, подняв сумку, надевает ее на плечо, подходит ко мне почти вплотную и поправляет на мне пиджак.

Ох...

Этот запах, идущий от его одежды, наша близость и сильные руки, осторожно касающиеся лацканов пиджака — от всего этого у меня кружится голова.

— Я... — Мои губы дрожат.

— Потом отдашь, а сейчас я должен вернуть твою одежду.

Когда я, пытаюсь удержать полотенце, несмело поднимаю на него благодарный взгляд, в висках начинает остервенело стучать пульс. И все из-за уродливого шрама на его шее, который внезапно бросается мне в глаза.

Это он! Он! *Тот, кого я видела вчера недалеко от площади под деревом.*

— Посиди пока в раздевалке, — хмуро говорит Бьорн, перехватив мой испуганный взгляд. — Как тебя? Нея?

— Да, — киваю я.

Он быстро разворачивается и идет к двери.

— А ты...

— Ты уже знаешь, как меня зовут. — Жаль, я не вижу его лица в этот момент. — Разве нет?

Парень будто торопится покинуть помещение.

Он выходит, дверь за ним хлопает, и я вздрагиваю.

Из коридора до меня доносятся голоса: его, мужской, недовольный, и высокий женский, пытающийся оправдываться.

Я ухожу обратно в раздевалку и, кутаясь в пропитанный мужским парфюмом пиджак, прислоняюсь

к холодной стене. Снова вспоминаются те жуткие желтые глаза, светящиеся во тьме. Что с этим парнем не так? Кто он такой? Почему от него исходит явное ощущение опасности?

Я выпрямляюсь, когда слышу торопливые шаги в холле. Через мгновение в раздевалку входит шатенка с заколкой.

— Привет. — У нее в руках мои вещи. — Прости, что так вышло, ладно? — мнется она. — Глупая шутка...

— Дай сюда. — Я выхватываю из ее рук одежду, пакет с бельем и сумку и начинаю лихорадочно одеваться.

Пиджак Бьорна летит на скамью.

— Тебе помочь? — Девчонка неуклюже переминается с ноги на ногу.

— Нет.

— Не злись... — Она подходит ближе и опускается на скамейку рядом. — Лена иногда бывает жестокой, но это не со зла. Она... просто настороженно относится к чужакам.

— Хм. — Я бросаю на нее издевательский взгляд.

— Я — Лотта. — Она с улыбкой протягивает мне руку.

Подумав, я жму ее.

— Нея.

Я опускаю слова про приятное знакомство и застегиваю молнию на юбке.

— Ты уже получила форму и учебники? — интересуется она.

— Не успела.

— Тогда позволь помочь тебе. — Ее улыбка кажется искренней. — Так сказать, в знак примирения.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Все равно не знаю, куда за ними идти.

— Отлично! — подскакивает она.

Я закидываю сумку на плечо.

— Пошли.

— А это? — Лотта косится на пиджак.

— Точно. — Поднимаю его и перекидываю через сумку. — Нужно будет передать хозяину.

Мы выходим в коридор. Я ожидаю увидеть лицо ехидной Лены и сказать ей пару ласковых, но вместо нее вижу толпу школьников, оживленно беседующих с полицейским.

— Что-то случилось? — интересуюсь я у Лотты.

Она с опаской косится в сторону.

— Вчера пропала Стина Меллер, — шепчет она. — Не вернулась домой после праздника весны. Полицейский опрашивает всех, кто общался с ней.

Мы проходим дальше, и я вижу, как помощник инспектора клеит на доску объявлений листовку о пропаже девушки. Ее лицо не кажется мне знакомым, но в глаза бросаются строчки: «Кристина Меллер. В последний раз видели на городской площади на праздновании в честь прихода весны. Была одета в ярко-желтое платье и красные туфли. Если вы ее видели или обладаете какой-либо информацией, просим сообщить...».

И тут меня прошибает холодный пот.

«Им стоило бы поговорить о ней с Хельвином», — но я почему-то не произношу этого вслух.

Вернувшись домой, я сразу приступаю к уборке. Стираю пыль с ветхих шкафов на кухне, мою пол и чищу ковер в гостиной, затем бережно перебираю книги на полках, вдыхая запахи выцветших желтых страниц.

Вряд ли кто-то здравомыслящий стал бы заниматься подобной ерундой, но я нахожу это занятие увлекательным: поглаживая корешки книг, фантазирую, о чем могли думать люди, которые читали эти книги, чем они в этот момент жили. В частности, моя бабушка и мать — я не знала ни одну из них.

Уборка на кухне отнимает у меня много времени. Другая девчонка с удовольствием потратила бы его на что-нибудь получше: например, на чат с подругами, уход за собой или подгонку новой школьной формы по фигуре, но я специально не спешу заканчивать. Тяну время, прежде чем подняться наверх и войти в спальню матери. У меня ощущение, что я уже была в ее спальне. Если не в реальности, то во сне.

Не знаю, почему это чувство преследует меня, но со мной такое бывает часто. Чем бы ни были эти сны: наваждением или безумием, я ощущаю, что доля реальности в них все же есть. И они не плод моего воображения, а что-то большее.

Наконец, покончив с уборкой, я загружаю купленные продукты в холодильник и включаю его в розетку. Он начинает мерно урчать, а я, помыв руки в раковине, медленно поднимаюсь по скрипучей деревянной лестнице.

Где-то на задворках моего сознания топают детские ножки: кто-то резво сбегает вниз по этим ступеням. Та-а-та-ра-та-та-та! «Осторожнее, Карин! — предупреждает женский голос из кухни. — Не упади!»

Это тоже из снов?

Или я медленно схожу с ума?

Замерев у двери одной из спален, я вдыхаю спертый воздух. Только через минуту у меня хватает смелости войти внутрь. Дверь отворяется, и я вижу стандартную спальню: кровать, прикроватная тумбочка, платяной шкаф. Никаких изысков, бледно-желтые обои в цветочек, шторы аккуратно прихвачены старомодной атласной лентой, в воздухе едва уловимый запах лаванды — очевидно, от саше, которые хранят в шкафах как средство от моли.

Значит, не угадала. Это спальня бабушки.

Иду к следующей комнате, толкаю дверь, и тут мое сердце замирает. Нет, не от того, что я узнаю комнату, которую видела во сне — эта спальня мне совсем не знакома. А от того, что вдруг понимаю: это комната молодой девушки. И вещи в ней не тронуты. Наверное, все здесь так же, как и было в день, когда

мама покинула этот дом. Будто время остановилось с тех пор.

Я вхожу и осматриваюсь.

Вместо обоев на стены нарочито небрежно нанесена штукатурка, наспех покрытая белой краской и завешанная рисунками — карандашными эскизами, акварельными пейзажами и пастельными зарисовками природы. Неужели мама когда-то рисовала?

В углу компьютерный стол и кресло на колесиках, на столе горой навалены книги, журналы, а у покрытого пылью старого компьютера валяются объемные наушники, блеск для губ и вскрытая упаковка жевательной резинки.

Я долго изучаю каждый предмет интерьера и каждую вещь, принадлежавшую маме.

Судя по всему, она была совсем ребенком, когда покинула дом: на кровати, навалившись на подушку, сидит плюшевый мишка с пуговками вместо глаз, на полях тетрадей и в ежедневнике выведены сердечки и слова из романтических песен, а закладками служат фантики от шоколадных батончиков.

Я рассматриваю ее давно засохший лак для ногтей с блестками, розовую расческу, цветные гольфы в ящике комода, платья в шкафу и пришедший в негодность, но бережно сохраненный гель для волос. И у меня подгибаются колени, ведь, несмотря на рассказы тети Ингрид, впервые я знакомлюсь с мамой только сейчас. Я будто прикасаюсь к ее руке, смотрю в ее глаза, хотя здесь лишь то небольшое, что осталось от нее после смерти.

Мне становится трудно дышать, когда вижу синюю клетчатую юбку на вешалке в платяном шкафу.

Такую же мне выдали сегодня в школе. Могу поспорить, у мамы тот же размер, что и у меня.

Я медленно провожу пальцами по выпуклым цветастым наклейкам с феями из мультфильма, которыми оклеена дверца шкафа изнутри, и останавливаюсь на блестящем стикере в виде сердца.

Посередине него выведена большая буква «А», несколько раз обведенная ручкой. Может, А. и подарил ей эту валентинку на День всех влюбленных? Что он для нее значил? А может, она была в него влюблена?

Я перетаскиваю свои вещи в эту комнату и бережно развешиваю платья и кофты рядом с мамиными. Так я чувствую себя ближе к ней и ее тайнам. Теперь у меня будет достаточно времени, чтобы перебрать здесь все, достаточно времени, чтобы разобраться во всем.

Примерив форму, я недовольно морщусь. Не знаю, как реагировать на отражение в зеркале — разве где-то в мире еще остались школы, которые обязывают своих учеников одеваться в несуразное нечто? Но тут же ловлю себя на мысли, что эти юбка, блузка и жилет с нашивкой придают мне шарм и заставляют гордо расправить плечи. Если в форме и есть смысл, то он определенно в том, чтобы дисциплинировать учеников, настраивать их на что-то серьезное, чем нельзя пренебрегать.

Переодевшись в домашнюю одежду, я подхожу к окну и чувствую накатывающее волнение. Виною тому вовсе не открывшийся вид на холмы вдалеке и лес, утопающий во всех оттенках зеленого, а остов домика у границы леса — я вижу черноту в провалах крыши и дырах окон.

Там жила тетя Ингрид.

Это был ее дом. Он сгорел.

Я проверяю пропущенные звонки на телефоне, но их нет. Она должна была уже вернуться и обнаружить мою записку. А раз не звонила — значит, смертельно обиделась. Это не похоже на Ингрид, но ведь и я прежде никогда не поступала с ней подобным образом.

* * *

Засыпая, я слушаю, как завывает ветер.

Что-то поскрипывает в темноте — наверное, потоки воздуха раскачивают стропила. Даже не успеваю подумать о бессоннице, как проваливаюсь в глубокий сон, в котором вижу... Бьорна.

Его волнистые светлые волосы собраны в пучок на макушке, он сидит на стуле и сосредоточенно вглядывается вдаль. Мне страшно, но я подхожу ближе. Хочу привлечь его внимание, но он поворачивается раньше, чем я успеваю открыть рот. Его глаза — точно два желтых отражателя, блестят, возвращая направленный на них свет.

Мне хочется закричать, и я просыпаюсь.

Из носа идет кровь, подушка перепачкана.

Ничего удивительного в том, что я видела Хельвина во сне: мне часто снятся те, о ком я думаю, и те, с кем сталкивалась в течение дня. Это вполне логично. Но эти жуткие глаза — такие я видела разве что у кота в темной подворотне. Они меня пугают. Да что там — кровь стынет в жилах. Что это значит, вообще?

Вопросы, вопросы, и ни одного ответа.

Я поднимаюсь, умываюсь и выбегаю на пробежку. По дороге стелется туман, в воздухе пахнет сыростью. Город будто вымер, и только птицы, словно потерянные, продолжают кружиться в вышине, на фоне серых туч, повисших над крышами.

* * *

— Тебе идет! — машет мне Лотта в коридоре школы.

Очевидно, она имеет в виду школьную форму.

Машу ей в ответ, и мы расходимся в разные стороны — сегодня у нас общих предметов нет.

День проходит отлично, если не считать похода к психологу, который расспрашивает о снах и тете. Я отчаянно вру о том и другом, потому что, во-первых, не хочу выставить себя полоумной, а во-вторых, подставить Ингрид.

Собирание трав, долгие отлучки и странноватый бизнес по исцелению души и тела травами, песнями и обращением к земле-матушке — это не то, что делает опекуна идеальным с точки зрения соцслужб, согласитесь?

Но больше всего меня огорчает, что за целый день я так и не встречаю Бьорна. И это вовсе не то, что вы подумали: я не подпала под очарование Викинга (хотя и помнила его запах) и даже не думала о нем (хотя видела во сне), просто мне нужно было вернуть наглецу его пиджак — он, конечно, поступил по-джентельменски, но я не люблю оставаться в должниках. И поэтому после уроков направляюсь в спортивный зал.

— Привет, новенькая! — окликает меня сзади мужской голос.

Я застываю у входа в раздевалки. Оборачиваюсь.

— Микке...

Парень проводит ладонью по ежику своих волос и расплывается в улыбке.

— Заблудилась или пришла посмотреть на тренировку?

Он так забавно играет бровями, что мне хочется ему подыграть.

— Вообще-то, я просто осматривалась, но... если вы играете в коротких шортиках, то я, пожалуй, останусь и взгляну на тренировку.

— Так и знал, что ты такая! — наклоняется он ко мне.

— Какая? — тушуюсь я.

— Плохая девочка.

— О, нет, это ты не по адресу, — толкаю его в плечо.

Если не считать побега в Реннвинд, я — образцовый подросток.

— Да ну? — подначивает Микке.

— Да.

— А... может, сходим сегодня куда-нибудь вместе? — предлагает он. — Погуляем, посидим в кафе, поедим мороженое? Плохая девочка отказалась бы, но ведь ты...

— Вечером? — смущенно интересуюсь я.

— Ага. Зайду за тобой в семь, нормально?

— Хорошо.

— Тогда до вечера. — Микке машет мне на прощание и спешит к раздевалке.

— Но я не сказала тебе адрес! — кричу я вдогонку.